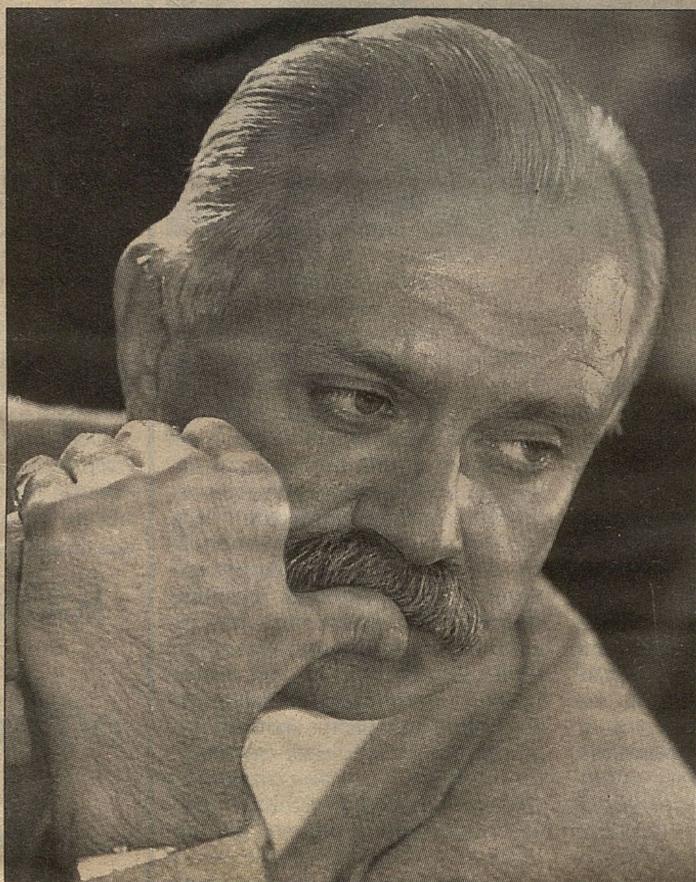

Никита Михалков — территория любви

Русский телеграф, — 1998, — 6 июня,

Чего на самом деле ждет председатель союза кинематографистов? — с. 11

НИКИТА МИХАЛКОВ / РТ

Соборное тело IV внеочередного съезда отечественных кинематографистов жарко дышало и клубилось, то вскидываясь Змеем-Горынычем, то шелестя ласковой Аленушкой. Никита Михалков отечески предупредил взбодренное коллективное бессознательное: в атмосфере бушуют малые магнитные бури, обостряющие психические заболевания; ну, право, без всяких магнитных бурь происходящее не могло иметь к здравому смыслу никакого отношения. И нервные, усталые, большей частью амбициозные люди, соединенные в подобном количестве, не могут не обсуждать, не решать дела разума. Решался вопрос чувственный и магический: кто «за» Михалкова, а кто «против». На основании решений Никите Михалкову следовало выдать или не выдать мистический мандат доверия от соборной души Русского Кинематографа, дабы он сформировал его грядущую

плоть. И.С.Михалков прекрасно ориентируется в действительности, но он в ней не живет — подобно опытному грибнику, который, не живя в лесу, отлично знает, что где растет и как это найти. Он живет в каком-то своем собственном фантастическом измерении, которое многими окружающими — прежде всего журналистами — просто не считается. Им, трезво-ироническим, обретающимся в маленьком реалистическом мирке, кажется естественным, что властный, прославленный, богатый человек желает стать еще властнее, прославленнее и богаче, и с какой стати им этот фатальный процесс приветствовать? Представить себе, что Михалков способен всерьез, чуть не со слезами на глазах, слушать гимн новой России, мечтая о возрождении Русского Кино, — а это так — мало кто в состоянии. В свою очередь, Михалков честно не понимает, как можно его, такого дивного, не любить. Кому он поме-

шал? Кого обидел? Кому вообще когда-нибудь что-либо плохое сделал? Ах, господа, вы звери, господа!

Там, где злые глаза видят цинизм и расчет, царят искренность и простодушие. Разве Никите Михалкову нужна власть? Нет, не нужна ему никакая власть. Ему нужна любовь. Только любовь! Но много.

«Неужели я буду воровать? — с недоуменной печалью спрашивал он у зала. — Посмотрите в мои глаза!» Мы смотрели ему в глаза. «Вы нам доверьтесь!» — простирали он руки к людям. И вот действительность уплывала, и я отчетливо видела бескрайние русские просторы... Разливы рек... Сибирь, Урал... Москва! Звонят колокола! Великий русский полководец Михалков принимает парад славы русского кино. В первой колонне маршируют молодые сценаристы — бравые ребята! — и несут в руках крепкие сценарии про Илью Муромца и Василису Премудрую. Во второй колонне идут режиссеры, полностью истребившие идеи секса и насилия в невоздержанных умах. Далее — полки вечно преданных актеров. Ветераны сияют почтенными сединами. Каждая студия везет на тачках отбитые у Запада боевые награды. Ликует возрожденный из руин «Союзмулвфильм». Расцветает Аленький цветочек. Птица Сирин и птица Гамаюн летают в оливковой ветвь в зубах. А зритель бежит, бежит в кинотеатры...

Вот для того, чтоб сказка стала былью, и нужно главное: любовь, много любви, море-океан любви. Все выступавшие «против» Михалкова пыгались, на основании изучения бумаг съезда, сформулировать одну и ту же мысль, которую — разумеется, в шутку — я бы изложила так: «Никита, мы же понимаем, что ты хочешь нас употребить, но ты хоть объясни — каким именно способом?» «Способы — в рабочем порядке», — отвечал тот, и был совершенно прав: кто ж перед актом любви договаривается о способах. Это уж как пойдет...

Где-то ближе к концу съезда я стала тревожиться. Видит Бог, что я люблю Никиту Михалкова — да любит ли его кто-нибудь так, как люблю его я?! — но у меня нет решительно никакого документа,

удостоверяющего, что податель сего действительно с такого-то года любил Н.С. Михалкова. Женщина я крепкая, при хорошем питании могу дотянуть до пенсии, а то и выбиться в ветераны, и сердце-вещун мне подсказывает, что подобная справка на этот случай мне бы как раз пригодилась. Но в списке комитетов нового правления, предусматривающем даже комитет по кинотехнике, комитет по киномысли, нет главного комитета: Комитета по Любви!

Теперь серьезнее. Конечно, интеллигентный человек не стал бы показывать отрывки из экспериментальных фильмов молодых режиссеров (по существу учебных работ), сделанных в кратчайшие сроки на крошечные деньги, — в качестве примера того, что ужасно мешает нам жить. Но Михалков — аристократ, а не интеллигент. В отличие от интеллигентности, основанной на самовоспитании, следовании определенным идеалам, непрестанной духовно-душевной работе, аристократизм есть грубое торжество породы и природы, торжество высшего типа над низшим. Если отечественная интеллигенция в ее кинематографическом измерении не выработала своего героя, противоположного Михалкову, но столь же сильного и убедительного, так нечего теперь и кричать.

Понимание Михалковым кинематографа кажется мне узковатым — я ориентируюсь на общие задачи человеческой цивилизации, а не на миражи национального самообольщения, но, по сути, никаких серьезных разногласий с его программой у меня нет. Я и всегда считала, что либо народность, либо смерть — третьего кинематографу не дано. А сугубо личностное поисковое авторское кино, конечно, должно быть — но только если перед нами автор, а не имитатор-самозванец. Возможно, задуманный Михалковым фонд поддержки кинематографа и дублирует отчасти Госкино — так и что ж? Победит сильнейший, как говорила умная обезьяна Чарльз Дарвин. Мужчинам нужна сублимация войны, а то они чахнут и киснут. Нисколько не сомневаюсь, что Михалков не станет преследовать своих оппонен-

тов, давить инакомыслящих, душить молодых ищущих кинематографистов или травить кинокритиков — это вздор. И не в его это интересах, и никогда он ничем таким не занимался, да и потом — сейчас задушишь кого, как же. Но, на мой вкус, в этом хорошем и правильном начинании — строительстве основ здоровой киноиндустрии — уже сейчас слишком много эмоций, чему сам Михалков и виной.

Он так ярко личностно окрашен, так артистически выразителен, так переполнен разнообразными гаммами чувств, что действует на самые иррациональные стороны индивидуального и общественного сознания. Он сам и есть магнитная буря, вызывающая обострение психических недугов. Он ведь напряг всю свою волю на этом съезде и изо всех сил сдерживался, стараясь быть и дипломатичным, и хладнокровным. Какое там! Вдруг вскипали старые обиды, включалась аффективная память, Михалков поминал и ненавистный Пятый съезд, и дружбу с Рудкиным — все то, о чем в интересах дела давно пора было бы забыть. На четверть тона повышался-понижался голос, чуть-чуть округлялись глаза, и мы прекрасно понимали, что ему по сердцу, а что нет. В команде Михалкова много серьезных деловых людей, которые пойдут вперед железным маршем, как робокоты, и отдают новый отечественный кинематограф, что называется, «под ключ». Но он сам никогда не сможет заledenеть в хладнокровии абсолютной деловитости: как шиллеровская Стоарт, которая «вышла из утробы, чтоб разжигать огонь любви и злобы», Михалков провоцирует страсти в деле, нуждающемся прежде всего в разуме...

Проголосовав за то, что было мне внятно, и воздержавшись от голосования, когда вопрос был мне не вполне ясен, я поспешила на петербургский поезд — подальше от мужских игр, в которые я не играю, магнитных и гормональных бурь — скорее к детям, книгам, друзьям, природе, к уединенным размышлениям... Домой, домой.

ТАТЬЯНА МОСКВИНА,
Санкт-Петербург

Михалков Никита

06.06.98

44